

100 лет со дня рождения Анны АХМАТОВОЙ

По общему признанию, душа всякой поэзии — лирика. Лирический поэт — это удивительный дар, позволяющий заново увидеть мир, почувствовать его свежесть, ошеломляющую новизну. Мы всегда считали Анну Ахматову лирическим поэтом. Но чем крупнее поэт, тем чаще в его стихах выражается мысль, спрессованная в точном и емком слове, отражающая главную боль времени. Порою современникам не дано постичь ее сразу, и только со временем она становится очевидной.

К столетию Анны Андреевны Ахматовой мы подошли во времена, когда ее творчество явилось к нам в полном объеме, открылись новые грани дарования поэта. Сегодня это заставляет нас заново перечитывать наследие Анны Андреевны Ахматовой, видеть жизнь и творчество поэта в гармонии. В минувшие дни по стране проходили Ахматовские чтения, открывшиеся научной конференцией, организованной Институтом мировой литературы имени А. М. Горького АН СССР, Союзом писателей СССР и Государственным либра-

турным музеем. Эти чтения, собравшие не только ученых нашей страны, но и исследователей творчества Ахматовой из Австралии, Англии, США, Италии, Шотландии, Нидерландов, Венгрии, Югославии, Польши, Чехословакии, Болгарии, Японии, отмечены торжественным заседанием обществности в Колонном зале Дома союзов в Москве. Видимо, в том, как сложилась судьба Анны Андреевны Ахматовой, сама она усматривала историческую неизбежность: «Пусть так — без палача и плахи поэту на земле не

быть», считая и всем своим поэтическим наследием доказав, что истинная поэзия немислима без зоркости, рожденной беспощадностью искренности в самовыражении поэта. Зная это и ныне воссоздавая гармоничный поэтический и личностный облик большого лирического поэта нашего времени, мы обязаны делать это с тем тактом и на той высоте культуры, с которыми жила Анна Андреевна Ахматова. В этом видели свою задачу участники Ахматовских чтений, по материалам которых подготовлена полоса.

Чтобы люди жили в преображенном мире

Воспоминания, свидетельства, исследования

Анатолий НАЙМАН,
литератор, ученик Ахматовой:
— Я буду говорить о тех переменах, которые происходят с образом, обликом, фигурой Ахматовой в связи со столетием ее, о тех переменах, которые противоречат тому, что я знал о ней живой.

Поэзия и все сделанное Ахматовой настолько принципиально вместили, что говорить о той или другой стороне ее творчества — это, по моему мнению, преднамеренно упрощать его. Сейчас идет какое-то «растигивание» Ахматовой в двух направлениях. Первое — это политизация Ахматовой. Есть такая тенденция — превратить Ахматову в «Горького наоборот», в певца противостояния режиму. Это несомненное упрощение. Второе — это культурологизация Ахматовой, превращение ее в некоего Брюсова середины века, человека, который все знал, все читал. От этого растигивания в разные стороны исчезает то уникальное явление, которое мы все, если не мудрствовать лукаво, называем Ахматовой, то есть автором пленительных, не простых, но действующих на нас именно простотой стихов, равных которым не было написано в нашем веке... Каждое стихотворение Ахматовой принципиально не означает чего-то одного, его нельзя пересказать. Ее многочисленные замены в стихах, которые она постоянно делала, полны противоречий. Она характеристика в ее стихе не отменяет другую, присутствующую тут же. Например, в стихотворении: «Не с теми я, кто бросил землю...» «Но» не отменяет сказанного в первой строке и не противоречит ему. Говорю я об этом потому, что сейчас в биографии Ахматовой очень существенный момент — поэт выходит из дверей первого столетия и входит в двери второго столетия, которое, разумеется, существенным образом переменяет наше представление о ней, и не потому, что наше представление неправильно, а потому, что каждый посмертный исследователь, читатель стихов Ахматовой будет вычитывать в ней то, что ему хочется, то, что ему нравится. И здесь порою доходит до абсурда.

Например, люди не обращают внимания на даты. Во всех наших смелых предположениях мы не должны забывать то первое плана, с которым связано стихотворение поэта. Тенденция вставить Ахматову в хрестоматийные, очень четкие ориентиры обедняет и ее творчество, и наше представление о ней. Необходимо написать правду, создать для потомков подлинную картину, а не вымышленную, которая удобна тому или иному исследователю. Мое глубокое убеждение, что публикации произведений Ахматовой — очень трудная вещь. Я уверен, что Ахматову надо публиковать так, как написано. Не надо превращать ее фигуру скрипки с оборванной струной в сальерийский отменно упакованный образ. Ее тетради — это законченные вещи, и то, что она хотела написать, она написала. Она не компоновала того, что сейчас издано под видом «Из воспоминаний о Мандельштаме». Воспоминания о Лозинском она писала все время, и, если бы удалось издать ее наследие так, как мы видели его при ее жизни — не какую-то одну тему, а одновременно все темы, всю глубину ее пронзительности ума и одновременно знаний и ее мудрости, — это было бы изданием истинной Ахматовой.

Нам, живущим на рубеже между первым столетием ее жизни и вторым столетием, необходимо относиться с особенной ответственностью к тому, с чем она с нашей помощью войдет во второе столетие своей поэтической жизни. Конечно, розыски гимназических стихов — дело увлекательное, публикация писем, о которых Ахматова с уверенностью знала, что они уничтожены, — еще более. Кто же из публикаторов пройдет мимо этого? Но это разрушение Ахматовой, потому что ее мораль, ее нравственные понятия и творчество неразделимы. И мне представляется, что мы не имеем морального права на нарушение ее воли...

Михаил АРДОВ, священник:
— Ахматова была человеком очень воспитанным, очень сдержанным и принадлежала к дворянской культуре, где не принято было говорить о религии. Я много лет ее знал, но о религии мы говорили считанные разы. Когда мне было лет четырнадцать, я получил у Ахматовой прозвище «Василий Шибанов», потому что был как бы ее стреляющим — проводил ее, оказывая ей мелкие услуги — у нас была будто бы такая игра.

И вот прошли годы. Многие знают, что у нее была такая папка: «В ста зеркала». Сегодня на наших глазах зеркала множатся, но, к сожалению, появляются и кривые. Мне кажется, что долготой друзей Ахматовой должно стать продолжение той линии, которую отстаивала она, — опровержение неверных о ней сведений. Передел мою публикация журнала «Юность» № 8 за 1988 год, которая говорит о судьбе и конце М. Зощенко. И где есть жуткое место. Я всегда считал Зощенко великим русским писателем. В доме, где я рос, был культ Зощенко, поэтому прошу это иметь в виду при любом моем сообщении. В публикации «Юности», где речь идет о встрече Ахматовой и Зощенко с англичанами, куда их привезли и где им задавали вопросы о постановлении 1946 года о журналах «Звезда» и «Ленинград», Ахматова сказала, что она совершенно согласна с постановлением и с докладом Жданова. Здесь надо помнить, что происходило это в 1954 году, когда ее сын Лев Николаевич Гумилев еще находился в лагере и Ахматова чувствовала себя просто заложницей. Михаил Михайлович Зощенко на той встрече разговаривал с англичанами открыто, в результате чего и получил потом следующую проработку. Оценивая эту встречу, сопоставляя ситуацию с «Капитанской дочкой», когда Савельич уговаривает Гриневу поцеловать ручку Пугачеву:

батюшка, Петр Андреич, не упрямысь, ну что тебе стоит, плюнь, да поцелуй у злодея ручку, — автор «Юности» пишет: «Ахматова пошла так, как советовал Гриневу Савельич. Зощенко так поступить не смог. Я даже не представляю, как у русского интеллигентного человека могла рука подняться написать такую фразу об Ахматовой? И в особенности в наше время, когда можно расставить решительно все акценты. Начнем с того, что Зощенко объективно был и остается великим русским писателем. Он был самым знаменитым, самым богатым, самым издаваемым и читаемым советским писателем до войны и до постановления. Для него эта трагедия была трагедией потери исключительного места в советской литературной иерархии.

Ахматова же вела скитальческую, нищенскую, полутолкушную жизнь. Сама Ахматова сказала в своих стихах: «Кидалась в ноги палачу». Упрекать ее в данном случае Зощенко, по-моему, совершенно неправомерно, ужасно. Я Зощенко не принимаю, я просто хочу расставить правильные акценты. Конечно, из каких-то вышних, идеальных соображений можно было бы упрекнуть Ахматову за эти стихи и за некоторые подобные поступки, но тут я позволю себе привести евангельское: «Кто из вас без греха пусть первый кинет в нее камень»...

Вадим ЧЕРНЫХ, ученый:

— Драматическая судьба творческого архива Ахматовой, ее рукописного наследия была предопределена драматизмом ее собственной судьбы. Тяжелые, часто трагические обстоятельства ее жизни не способствовали, разумеется, сохранению ее архива. Однако все же даже дореволюционная часть архива Ахматовой, в частности те записные книги, в которые она еще с ранней юности, с 1900 года, записала тексты написанных ею стихотворений, до конца сороковых годов сохранялись. Какие-то документы, которые сейчас были бы для нас исследователей творчества Ахматовой, необыкновенно ценными, Анна Андреевна уничтожила по доброй воле еще в давние благополучные времена. Скажем, известно, что, поживившись, Анна Андреевна и Николай Степанович Гумилев сложили всю переписку за многие годы между 1903-м и 1910-м годом.

Я процитирую здесь слова самой Ахматовой, не воспроизведенные пока в печати: «Биография я принималась писать несколько раз, но, как говорится, с переменным успехом. Последний раз это было в 46-м году. Ее единственным читателем оказался селователем, который пришел арестовывать моего сына, а заодно сделал обыск и в моей комнате 6-го ноября 1949 года. На другой день я сожгла рукопись вместе со всем моим архивом». Вот так, в голландских печках Фонтанного дома, частично в 1946-м, а большей частью в 1949-м году и погиб почти весь ранний ахматовский архив. В том числе и записные книги. Из ранних стихотворений, вошедших в сборник «Вечер», и более ранних до нас дошла приблизительно треть.

Она очень тщательно подходила к отбору своих стихов для печати и, как сама рассказывала, в этих тетрадях переписывала тексты «с непонятной целью, ставя над ними номера». И вот благодаря тому, что некоторые автографы с номерами все же сохранились и сама Анна Андреевна сказала, что «Песня последней встречи» — мое 200-е стихотворение, — элементарный подсчет текстов до этого 200-го стихотворения показывает, что мы из этих 200 знаем никак не более 45!.. Сама Анна Андреевна не склонна была сожалеть о потерях ранних стихов, поскольку говорила, и, видимо, справедливо, что поэт Ахматова сложилась где-то к 1910 году, когда она познакомилась с «Кипарисовым даром» Анненского и, как она говорит, что-то поняла в поэзии».

Если оценивать сейчас поэтическое наследие Ахматовой, то после публикации последнего времени и выхода в свет сборничка, изданного в этом году «Книжной палатой», можно сказать, что теперь поэтическое творчество Ахматовой, по крайней мере на 95 процентов, доступно читателю.

Совсем по-другому обстоит дело с ахматовской прозой. Я смело могу сказать, что тот архив, которым мы сейчас располагаем, который хранится в ЦГАЛИ, в Пушкинском Доме и в отделе рукописей Публичной библиотеки, — это большое рукописное наследие за очень не-

большим исключением охватывает только десять последних лет творчества Ахматовой. Ядром сохранившегося архива Ахматовой являются ее записные книжки, или правильнее их называть рабочими тетрадями, вернее, они носят черты того и другого.

Дневник Ахматовой неопровержимо свидетельствует о том, что Анна Андреевна ушла из жизни на 77-м году безвременной, полной творческих замыслов, живо отозвавшейся на все, что происходило вокруг. И это опровергает несправедливые свидетельства Н. И. Мандельштама.

Ахматовская проза. Вообще тема «Ахматова как прозаик» — это драматическая и, вернее, даже трагическая тема. Анна Андреевна много раз писала: «Я с самого начала все знала про стихи — я никогда ничего не знала о прозе». И взялась она, почувствовав настоятельную творческую потребность, писать прозу где-то в самые последние годы своей жизни. Она говорила, что все не собирается писать повести, романы или даже рассказы. Она говорила: «Я ведь так много знаю, я так много помню о блестящем «серебряном» веке русской литературы. Я просто не имею права унести все это с собой. Записать бы хотя бы сотую долю того, что знаю... Мемуарные очерки Ахматовой о Блоке, о Лозинском, с которыми Анна Андреевна выступала по Ленинградскому телевидению в 60-х годах, отмечены ее пометками — «почти готовы», то есть она не считала их законченными.

Остаются абсолютно неизвестными обширные записи Ахматовой о Н. С. Гумилеве, об их отношениях и о его творчестве, которое она оценивала очень высоко. Она была абсолютно не согласна с трактовкой творчества Гумилева Струве, опубликованной за границей.

Вот примеры некоторых записей Ахматовой, которые помогают представить характер ахматовской прозы. Прозы непрочитой, которую она вовсе не предназначала для публикации, но которая, на мой взгляд, настоятельно требует опубликования.

«26 августа, 1964 г. Комарово. «Два дня слушала грандиозный квартет Шостаковича, который он посвятил своей памяти. Близость этого квартета «Реквиему» и «Прологу»... Пролог почти снится, но еще боюсь сделать паля, чтобы все не испортил».

30 августа 1964 года. «...Едем небывалой дорогой — парками, через очень странное, очень красивое наводнение. Эсхатологические небеса почти с грозной надписью. Мой сон накануне превзошел все, что в этом роде было со мной в жизни. Я видела планету Землю, какой она была через некоторое время после ее окончательного уничтожения. Кажется, все бы отдала, чтобы забыть этот сон».

2 сентября 1964 года. Читала Цветаеву. Все же нянька, которая давала ребенку толченное стекло, не очень правдоподобна. Отношения Мандельштама и Волошинова она приукрашивает из преданности Волошину. То, что она пишет о Гумилеве, — самое прекрасное, что о нем до сих пор написано. И как это не похоже на выхваченные из Брюсова и Вячеслава Иванова, которые, по мнению Г. Струве, призваны объяснить Гумилева. Хотя «Мужик» написан в 1917 году, как бы Гумилев был ей благодарен. Это про того, непрочитанного Гумилева, о котором я не устаю говорить всем с переменным успехом. Это его главную линию нужно проследить чуть не с самого начала. Сон на 30 августа продолжает угнетать меня и с каждым днем кажется все страннее. Зато отъезд по таинственному, безветренному наводнению все хорошеет...».

«Получила договор на «Бег времени». Как странно и необычно, что торопятся они, а не я. Впрочем, это уже все равно. Сейчас опять слушала восьмой квартет Шостаковича. Это не все равно».

15 сентября 1964 года. Сегодня подписала и отправила договор на «Бег времени». Утром боролась со стихами, которые хотели существовать. А я не хотела. Это была которая-то ленинградская северная легкая»...

Полоса подготовлена Г. ОРЕХАНОВОЙ по материалам конференции Института мировой литературы АН СССР имени А. М. Горького.

Признание в любви

Феликс КУЗНЕЦОВ:

— Тайна Анны Андреевны Ахматовой, ее духовного влияния, которое столь бурно возрастает в современном мире, велика. Наверное, истоки этой тайны прежде всего в том, что с ее творчеством «золотой» век, а потом и «серебряный» век русской литературы, ее великая гуманистическая традиция пришла в нашу с вами эпоху. И конечно же, Ахматова — это то могучее крыло нашей литературы, которое являл собой мост из XIX века и начала XX века в наше время. Но, наверное, объяснение тайны Анны Андреевны Ахматовой, ее столь могущественного нравственного влияния на общество этим не исчерпывается. И мне бы хотелось сказать, как я чувствую величие Ахматовой. Как-то я прочел воспоминания Маргариты Иосифовны Алигер, которая рассказывала, как плыла по Волге в годы войны в глухую темную ночь в одной каюте с Анной Андреевной Ахматовой. Разговор был долгий, неспешный, мучительно трудный исповедальный разговор в тягчайшую пору опасности. М. Алигер записала его: «Нет, нет, поверьте мне, — говорила Анна Андреевна, — это самая великая война в истории человечества. И уверяю вас, никогда еще не было такой войны, в которой бы с первого выстрела

был ясен ее смысл, ее единственно мыслимый исход. Единственно допускаемый исход, чего бы нам это ни стоило. Мы выйдем эту войну для того, чтобы люди жили в преображенном мире. Все страшное и гнусное будет смыто кровью наших близких». Она говорила со временем, историей, будущим, — комментирует Алигер. И конечно, в этих строках есть и предвидение нашего сегодняшнего времени. Прославленные, великие строки написаны в эту пору Ахматовой:

Мы знаем, что ныне лежит на весах
И что совершается ныне.
Час мужества пробил на наших часах
И мужество нас не покинет.
Не страшно под пулями мертвыми лечь,
Не горько остаться без крова, —
И мы сохраним тебя, русская речь,
Великое русское слово.
Свободным и чистым тебя пронесем,
И внукам дадим, и от плена спасем
Навеки!

Конечно же, в основе личности Ахматовой лежала великая и горькая любовь к своей Родине, Отечеству, земле, которой жила Анна Андреевна Ахматова.

Лариса ВАСИЛЬЕВА:

— Нельзя не радоваться и не удивляться такому явлению, как Анна Ахматова. О ней говорить трудно, особенно женщине. И все же мне хочется сказать, как я чувствую это явление. Анна Ахматова пришла в эту жизнь и сразу стала великой и знаменитой. Потом она прошла через дыбу, голгофу, крест, через все, через что может пройти мученик. Мне кажется, что она удивительно живет между нами, что она давно все знала о себе и о нас, что обладала каким-то удивительным даром провидения, потому что каждый, кто берет ее стихи, находит в них свое, для себя. И при этом Ахматова всегда остается такой, как она есть, ее нельзя приспособить, изменить... Ее не сломала судьба, трудный век. И можно гордиться, что эта женщина, как

никто, сумела выстоять. И не только выстоять, но и протянуть нам руку помощи! Сколько величия и достоинства в ее стихах:

Мне голос был. Он звал утешно,
Он говорил: «Или сюда,
Оставь свой край глухой и грешный,
Оставь Россию навсегда.
Я крою от рук твоих омято,
Из серпа вину черный стыд,
Я новым именем покую
Боль поражений и обид...
Но равнодушно и спокойно
Руками я замкнула слух,
Чужой этой речи недостойной
Не осквернил скарбный дух.
Да святится имя твое, Анна Ахматова!

Владимир КОРНИЛОВ:

— Теперь, когда я прожил достаточно долго, могу свидетельствовать, что Анна Ахматова — поэт на все времена. Сейчас, как никогда раньше, понимаешь, что главная сила ее — в трезвости, в четкости видения. Примеры трезвой ахматовской прозорливости можно множить до бесконечности.

Как-то так выходит: чем поэт в России крупнее, тем строже он держит ответ за все, что было при нем. Ахматова по-своему осознавала и трудно, долго и гордо несла вину российской интеллигенции за все, что случилось при ней в России. Чувство тревоги возникло в поэзии Ахматовой рано, еще перед первой мировой войной. И уже тогда вместе с ощущением личной вины выросло чувство личной ответственности.

...Поэту, особенно великому, невозможно уйти в сторону. И вот они, главные стихи, в которых Ахматова объясняет, почему она не покинула Родину:

Не с теми я, кто бросил землю
На разрастание врагам.
Их грубой лести я не внемлю,
Им песен я своих не дам.
Но вечно жалок мне изгнанник,
Как заключенный, как больной.
Там твои дороги, странник,
Полным пахнет хлеб чужой.
А здесь, в глухом чужом погара
Остаток юности губа,
Мы ни одного удара
Не отклонили от себя.
И знаем, что в оценке поздней
Оправдан будет каждый час...

Владимир СОКОЛОВ:

— Анна Ахматова входила в русскую поэзию, когда жил великий интонационный поэт, когда в ней царили Александр Блок, Вячеслав Иванов, Валерий Брюсов, Андрей Белый, Константин Бальмонт, когда первоначальными были и менее знаменитые поэты. Она не только вошла в поэзию, но и начала влиять на нее.

Да, в те годы, может быть, только Маяковский вступил в литературу так же. С Ахматовой вошла в поэзию всепоглощающая непосредственность, тот разговор двоих, который часто ведут влюбленные про себя. Ахматова вступает в душу сразу, потому что то, что она говорит, кажется проще простого:

Круг от лампы желтый...
Шорохам внимаю.
Отчего ушел он?
Я не понимаю...

Вот это сочетание: «шорохам внимаю» и «я не понимаю» — одна из тайн ее интонации, всегда разнообразной и лукавой, торжественной, кокетливой, драматической, непосредственной, а с годами — все более трагической.

Мандельштам писал, что Ахматова принесла в русскую лирику всю огромную сложность и психологическое богатство русского романа XIX века, что вся она из русской психологической прозы, а не из поэзии. Очень похоже, но насколько точно — судить не берусь.

Если говорить об истоках ее манеры, то в ее ближайшей предистории — это, конечно, святое писание, Пушкин и то, что можно выделить одной строкой Мандельштама «Россия, Лета, Лорелю»...

Ахматова становится любимым поэтом сразу, притом и прямой соучастницей частной жизни своих читателей. Особенно читательниц. У нее в стихах есть та «подушка», в которую можно поплакать, которая «уже горяча с обеих сторон». У нее есть перила, которых она не касалась, сбегая, и человек, который, уже горько обиженный, говорит: «Не стой на ветру»... У нее есть то нисхождение поэзии в простую жизнь, которое эту простую жизнь так возвышает.

Есть у нее замечательное стихотворение:

В последний раз мы встретились тогда
На набережной, где всегда встречались.
Была в Неве высокая вода,
И наводнение в городе было.
Он говорил о лете и о том,
Что будет потом женщина — пелестень.
Как я запомнила высокий парский дом
И Петропавловскую крепость!
Остановясь на этом, подумаем, почему так тревожно сильно воздействует на нас эта вто-

Кто в мире нет людей бесслезней,
Надменнее и проше нас.

Мощь этих стихов, разумеется, утверждена историей. Но, возможно, они сегодня звучат так насущно именно потому, что в свое время были так современны.

Не перечислить всего, что свалилось на Ахматову, — расстрел мужа, три ареста и в сумме — 18-летняя каторга сына, арест и гибель второго мужа, исчезновение друзей, гонения... В 1935 году она пишет стихи — приближение к «Реквиему», — обращенные к людям, чья клевета больно ранила ее:

Зачем вы отравили воду
И с грязью мой смешали хлеб?
Зачем последнюю свободу
Вы превращаете в вертеп?
За то, что я не издевалась
Над горькой гибелью друзей?
За то, что я верна осталась
Печальной Родине моей?
Пусть так — без палача и плахи
Поэту на земле не быть,
Нам — покаянные рубахи,
Нам со своей идли и выпл.

Тема вины и покаяния всего сильнее выражена Ахматовой в ее главной, как она считала, «Поэме без героя». В этой поэме она осмысливает роль интеллигенции в революционной и в каждую эпоху, в каждый исторический слом или поворот стилей Ахматовой открываются по-новому, словно сама она была историей, примером и уроком.

рая строфа? Потому что она о страшной судьбе, сужденной поэту. Здесь опять ей говорят: «не стой на ветру»... Но это выше ее сил — не стоять на ветру — прямо посередине, между царским домом и Петропавловской крепостью, между Кремлем и казематом. Сами эти опорные слова: наводнение, поэт, царский дом, Петропавловская крепость — обращают нас к Медному всаднику, Пушкин, Рылеву, Гумилеву...

Подобных случаев скрытого и полускрытого фона в поэзии Ахматовой много. У больших поэтов, и это многие чувствуют, есть особая связь с космосом. Их сообщения о бездне, о созвездиях всегда чем-то поражают или особым тоном, или необычным расположением звезд, или страхом перед вечностью, или полным безстрашием в разговорах с богом.

Больших поэтов одолевают предчувствия. Они их понимают как особый род знания.

«Я гибель накалила милым, и гибли олин за другим. О горе мне! Эти мотыли предсказаны словом моим». И в этом: «я накалила» — больше народного, чем в пресловутой пустой «гражданственности». Провидческие мотивы у Ахматовой многократно, как и мотивы большого человеческого достоинства. Никакого самодовольства, только постоянное знание своей женской и поэтической силы.

Пушкин, которого она любила, изучала, за которого болела, как за живого, даже ревновала его, сказал на память всем русским поэтам:

И неподкупный голос мой
Был эхом русского народа...

Эти слова были растворены в душе Ахматовой, когда она писала «Реквием» и когда писала стихотворение «Эхо».

Всю жизнь она была великим противостоянием духовному насилию, лжи и бесчестию. Тому, как она утверждала достоинство и независимость искусства, мало что у нас научилось. Но учиться этому никогда не поздно.

Анна Ахматова, несмотря ни на какие запреты, высилась в нашей поэзии. Ее творческое поведение было той отметкой на шкале нравственных ценностей, в сравнении с которой было весьма заметно или соответствие, или падение в литературной морали. Я был на том вечере в Колонном зале после войны, когда все встали, когда было только названо ее имя. Она была живым представителем не только «серебряного» века русской поэзии, но на ней лежал отблеск «золотого» века русской литературы.

«Анна Ахматова, — как сказала Марина Цветаева, — златоустая Анна всяя Руси!»